

Въ причащеніи вижу обоготвореніе плоти и извращеніе христіанскаго ученія. Въ священствѣ, кромѣ явнаго приготовленія къ обману, вижу прямое нарушеніе словъ Христа, — прямо запрещающаго кого бы то ни было называть учителями, отцами, наставниками (Мѣ. XXIII, 8—10).

Сказано, наконецъ, какъ послѣдняя и высшая степень моей вивновности, что я „ругаюсь надъ самыми священными предметами рѣры, не содрогнулся подвергнуть глумленію священнѣйшее изъ таинствъ — Евхаристію“. То, что я не содрогнулся описать просто и объективно то, что священникъ дѣлаетъ для приготовленія этого такъ называемаго таинства, то это совершенно справедливо; но то, что это такъ называемое таинство есть нѣчто священное, и что описать его просто, какъ оно дѣлается, есть кощунство, — это совершенно несправедливо. Кощунство не въ томъ, чтобы назвать перегородку — перегородкой, а не иконостасомъ, и чашку — чашкой, а не потиромъ и т. п., а ужаснѣйшее, не перестающее, возмутительное кощунство — въ томъ, что люди, пользуясь всѣми возможными средствами обмана и гипнотизаціи,